

Директором столичного колледжа магии оказался седовласый старик, уже вовсю подумывавший о заслуженном покое. Впрочем, возраст не мешал ему двигаться на удивление бодро и стремительно — сказывались долгие годы суровых тренировок.

— Новые студенты? — проскрипел старик, едва троица подошла ближе. Он принялся неторопливо, с прищуром их разглядывать.

Его цепкий, колющий взгляд пробирал до костей. Старик, словно заправский рентгеновский аппарат, смерил Ранпо Эдогаву и Тодзи Дзэнина с ног до головы, после чего его губы сжались в тонкую, недовольную линию.

— Прежде чем зачислить вас, я должен увидеть, на что вы способны.

Ранпо Эдогава, недолго думая, выдумал себе звучное название для техники — «Сверхдедукция», заявив, будто этот метод позволяет ему мгновенно распутывать любые дела и видеть суть вещей.

— Небесное проклятие бьёт по физической оболочке! — со знанием дела вещал Ранпо, бесстыдно заливая и даже не заботясь о правдоподобности. — А моя Сверхдедукция — штука уникальная! Вся проклятая энергия у меня ушла прямиком в извилины!

При этом он крепко сжимал в кармане особый артефакт, источающий лёгкий фон проклятой энергии. Мальчишка безбожно врал, упиваясь собственной выдумкой, и плевать он хотел на логику.

Впрочем, в мире магии логикой и не пахло. Здешние способности распределялись по принципу лотереи: что вытащил из коробки при рождении, с тем и живи.

Директор, разменявший не один десяток лет, о подобной магии отродясь не слыхивал. Полный скепсиса, он нахмурился и швырнул перед Ранпо пухлую папку с нераскрытыми делами прошлых лет. Ответ последовал незамедлительно. Откинув время, ушедшее на беглое перелистывание страниц, Эдогава выдал безупречный анализ за считанные минуты, лениво и неохотно разжёвывая детали. Проверка подтвердила: парень попал в яблочко по каждому пункту.

Разве способна обычная дедукция на такое без капли чародейства? Вряд ли.

Старик мысленно сделал пометку об этой странной технике — будет чем хвастаться на пенсии перед престарелыми приятелями за чашкой чая.

Тодзи Дзэнин подошёл к делу куда прямолинейнее. Он просто потребовал выпустить против него всех тренировочных проклятых существ разом. Закончилось всё предсказуемо: земля пошла трещинами, стены тренировочной площадки рухнули, а от несчастных существ не

осталось даже горстки пепла. Убойная сила Тодзи оказалась настолько сокрушительной, что директор сразу понял: строительная бригада пропишется на территории колледжа надолго.

Глядя на этих двоих, директор лишь сухо сглотнул. Нынешнее поколение так и фонтанировало талантами, один краше другого — и каждый с явным шилом в заднице. Поняв, что спорить бесполезно, старик поспешно махнул рукой Масамичи Яге, велев увести новобранцев в общежитие, пока те окончательно не разнесли его кабинет.

«Слава богу...»

Яга шумно выдохнул. Сила парней внушала уважение, и его первоначальный скепсис улетучился...

Правда, ненадолго.

— Да куда тебя опять несёт?! Ты снова идёшь в другую сторону! — Яга с обречённым вздохом сцапал Ранпо за шиворот. Мужчина искренне не понимал, как можно с таким непоколебимым, царственным видом шагать по абсолютно неверному маршруту.

— Дорога, по которой шествует великий Ранпо, априори верна! — самоуверенно завопил парень, тщетно пытаясь вырваться.

Яга лишь молча переставил упрямца себе за спину, чтобы тот хотя бы на время перестал блуждать в трёх соснах.

Тодзи, впервые оказавшийся в подобной компании, опыта общения с такими кадрами не имел. Он просто тащился следом, лениво покручивая в руках свою палку и сохраняя вид человека, познавшего дзен и абсолютно безразличного к происходящему балагану.

А вот Кавех...

Кавех сейчас растерянно топтался посреди целой горы проклятых кукол в комнате Яги.

Хоть они и прибыли в колледж магии все вместе, юноша не числился студентом. Его привели сюда чисто формально — зарегистрировать, после чего он мог получить относительную свободу перемещения.

Конечно, он сам вызвался притворяться проклятой куклой и мысленно подготовился к этой роли. Но Кавех и представить не мог, что у Яги этих творений окажется целое море! Они возвышались аккуратными, выстроенными по линейке штабелями, буквально преграждая путь.

Сквозь внешнюю миловидность этих тряпичных зверушек сквозила на удивление нежная душа их сурового создателя. Архитектор тихо вздохнул и принялся осторожно лавировать между рядами чистеньких, тщательно выверенных игрушек, боясь ненароком что-нибудь уронить или испачкать.

Комнату Яги расширили, объединив со смежным помещением, чтобы уместить все его шедевры рукоделия. Студентов в колледже магии было кот наплакал, да и те разъехались по заданиям, так что в коридорах стояла мёртвая тишина. Из всех обитателей на месте оставался лишь Яга, у которого как раз выдался редкий перерыв в работе.

Именно поэтому Кавех решился на самостоятельную вылазку. Его познания о проклятой магии ограничивались сухой теорией из отчётов да редкими демонстрациями от двух не в меру одарённых детей дома. Всё остальное приходилось познавать на ходу, на собственном опыте.

Легализовав своё пребывание, Кавех развернул карту, пользуясь тем, что его кукольное тело стало на удивление лёгким и гибким. На пергаменте были отмечены места, где Бьякуран задерживался дольше всего после перемещения в этот временной отрезок.

Откуда взялись эти бесценные сведения? За них стоило сказать душевное спасибо местным магам, которые не щадя живота своего устроили настоящую грызню за Книгу.

Взгляд Кавеха зацепился за одну из отметок. Колледж магии значился в списке приоритетных зон. Что ж, отличное место для начала поисков.

Из лепета двух спасённых девчушек Сатору Годзё наконец узнал имя парня с дурацкой чёлкой — «господин Гето».

Сам этот Гето производил весьма двоякое впечатление: вроде бы и неплохой человек — приютил двух сирот, заботился о них, но в то же время без зазрения совести использовал собственную секту для выкачивания денег из доверчивой паствы.

Сатору время от времени приглядывал за ним, но выудить хоть сколько-то внятную информацию не получалось. Владелец странной чёлки становился всё более подозрительным: он явно чувствовал невидимое присутствие и, отдавая приказы подчинённым, изъяснялся исключительно туманными намёками и иносказаниями.

«И всё же я всё прекрасно слышу. Жаль только, в таком состоянии ничего не могу предпринять.»

Наблюдая за тем, как очередного обывателя заживо сжирает проклятое существо, Сатору оставался холоден. В груди шевельнулось было слабое подобие жалости, но тут же угасло.

Какое ему дело до чужаков? Спасать каждого встречного он не нанимался.

Высокомерие Гето по отношению к обычным людям бросалось в глаза. Сатору невольно вспоминал разговоры, которые велись в его собственном доме. Акико, мечтавшая исцелить весь мир и подарить каждому счастье; Одасаку и Чуя Накахара, искренне считавшие, что эсперы ничем не отличаются от простых смертных; Ранпо и Сюдзи, изо всех сил оберегавшие хрупкое тепло мирной повседневности...

Никто из них не был «нормальным» в привычном понимании, но под крылом двух заботливых опекунов они изо всех сил старались стать частью обычного человеческого общества.

«М-да...»

Окажись он сам на месте здешнего Годзё, возможно, тоже нехотя поплёлся бы защищать слабых.

Сатору брезгливо поморщился. Философия Сугуру вызывала лишь глухое раздражение. Если стереть с лица земли всех обычных людей, кто тогда будет печь ему изысканные пирожные, создавать новые видеоигры и рисовать мангу?

Вскоре Сатору заметил, как Гето, словно заправский похититель детей, нацелился на паренька, сопровождаемого проклятым существом невероятной силы. Надо же, этот юноша оказался учеником его взрослого двойника.

А дальше события завернулись с бешеной скоростью, будто кто-то нажал кнопку перемотки. Встреча с Ютой Оккоцу стала для Сугуру Гето началом его стремительного падения в бездну.

«Он был моим единственным другом в этом мире. И сейчас он умрёт.»

Сатору заворожённо наблюдал за последней сценой между растрёпанным белобрысым веником и парнем с чёлкой.

Как бы близки они ни были в прошлом, какая бы горькая измена ни стояла между ними, у порога вечности все обиды растаяли. Им не требовались долгие объяснения — лишь несколько тихих слов на пороге неизбежного.

Перед тем как закрыть глаза навсегда, Гето словно бы скользнул взглядом по тому месту, где стоял невидимый Сатору. Показалось?

Впрочем, мертвеца уже не расспросишь.

«Какая тоска...»

Сатору подошёл ближе к своему взрослому двойнику, безмолвно застывшему над телом друга. Чувство глубокого одиночества и щемящей беспомощности окутало его, смешиваясь со странной отстранённостью.

Его будущая копия превратилась в одного из тех невыносимых взрослых, что прячут любые чувства за маской безразличия.

В этой реальности не было ни Аль-Хайтама, ни Кавеха, ни их шумной, суматошной семьи. А теперь этот взрослый Сатору лишился и единственного родного человека, способного его понять.

«Жалкое зрелище. Как побитая собака.»

Действительно, до безумия жаль.

Сатору понимал, что этот холодный мужчина — его собственное будущее, и вряд ли тот нуждался в чьём-то сострадании. И всё же ему было трудно ассоциировать себя с этим одиночкой. В груди ворочалась странная жалость, которую он никогда бы не испытал к самому себе.

Наверное, так счастливый человек, случайно столкнувшись с глубоко несчастным прохожим, невольно проникается к нему щемящим сочувствием.

После кончины Сугуру заботы об упокоении легли на плечи белобрысого веника.

— По правилам тело мага подлежит обязательному сожжению, — раздался чей-то чужой, казённый голос.

— Знаю... — тихо отозвался взрослый Годзё.

Но предавать друга очищающему пламени он не собирался.

Это было его последнее эгоистичное желание: пусть крышка гроба закроется над нетронутым, целым телом, позволяя сохранить иллюзию, будто Сугуру всего лишь спит.

Пусть плоть истлеет, вернётся в круговорот природы, превратившись в пищу для невидимых глазу крошечных созданий. Ему было плевать на последствия. Быть может, когда прах его друга окончательно сольётся с землёй, жизненный путь самого Сатору тоже подойдёт к концу. И тогда они оба превратятся в единый прах под ногами живых.

Взрослый Годзё бережно опустил гроб в сырую землю перед скромным безымянным надгробием. Он долго, неторопливо шептал что-то, делаясь наболевшим, но в конце концов

осталась лишь одна короткая фраза:

— Прощай, Сугуру.

Только в этот миг молодой Сатору наконец-то смог полностью расслышать и составить воедино имя парня с дурацкой чёлкой. Сугуру Гето.

Дождавшись, пока его будущая копия замолчит, юноша мысленно повторил:

«Прощай, Сугуру Гето из этого мира.»

Поскольку всё это происходило в чужой реальности, Сатору не мог избавиться от ощущения невидимой преграды, отделявшей его от трагедии. Его врождённая гордость бунтовала: теперь, зная будущее во всех деталях, он ни за что не допустит подобного исхода у себя дома.

В конце концов, если Сюдзи Цусима и Одасаку сумели уберечь своего Осаму Дадзай, неужели он, великий Сатору Годзё, не сможет спасти кого-то ещё?

Стоит только вернуться, и он первым же делом разыщет этого Сугуру Гето. За шкуру притащит к себе, а потом они вместе по винтику разнесут весь этот прогнивший мир магии. Благо корень всех бед очевиден — те самые дряхлые, выжившие из ума «мандарины» из верхушки.

Скрестив руки на груди, Сатору лениво привалился к обратной стороне надгробия, осматриваясь по сторонам. Убежище и впрямь было на редкость тихим и уединённым — бесконечно далёким от суетливого Токио, от агонизирующей Ассоциации сосуда времени и от монументального, вечного здания колледжа магии.

Шурх, шурх...

Стоило ему порадоваться тишине, как кусты неподалёку раздвинулись, и на поляну бесшумно скользнул незванный гость. Лоб незнакомца пересекал уродливый шрам от хирургических швов — то ли жуткое украшение, то ли след старой травмы. Сатору подобной эстетики категорически не понимал, а уж от приторной, фальшивой улыбки этого типа его и вовсе замутило.

В следующую секунду пришелец невозмутимо извлёк из-за пазухи лопату.

Чего? Лопату?

Появление столь прозаичного инструмента на свежей могиле мгновенно навело Сатору на крайне скверные мысли. Парень до последнего надеялся, что ошибается. Не может же

нормальное существо среди бела дня раскапывать чужой гроб, едва остыли комья земли?

«Да ладно... Твою же мать!»

Увидев, что незнакомец действительно вонзил штык лопаты в рыхлую почву, Сатору не сдержал сочного ругательства. Увиденное превзошло худшие ожидания. Какая-то безликая тварь, начисто лишённая моральных ориентиров, без зазрения совести воспользовалась чужой душевной слабостью, чтобы осквернить могилу.

То, что пострадал его собственный взрослый двойник — пусть даже из-за вполне понятной человеческой слабости, — привело Сатору в бешенство. Зарывав от ярости, он рванулся вниз, пытаясь в полёте раздробить ублюдку череп мощным ударом ноги. Увы, его полупрозрачное тело лишь безвредно пронеслось сквозь осквернителя праха.

— Тварь! Я тебя запомнил! — в бессильной злобе выкрикнул Сатору. — Клянусь, когда вернусь, я лично разберу тебя на запчасти!

Ему оставалось лишь беспомощно наблюдать, как существо с омерзительной ухмылкой медленно, с влажным хрустом приподнимает верхнюю часть собственного черепа, обнажая шевелящиеся внутри мозги.

<http://bllate.org/book/18256/1755722>